

Чарская Лидия Алексеевна

Светлый воин

**Князь Михаил Васильевич Скопин-
Шуйский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Светлый воин: Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский / Чарская Лидия Алексеевна –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 406 с.

ISBN 978-5-521-29785-6

ISBN 978-5-521-29785-6

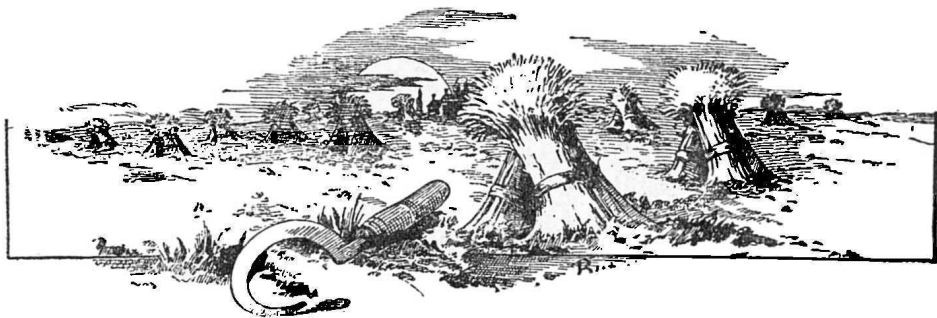
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

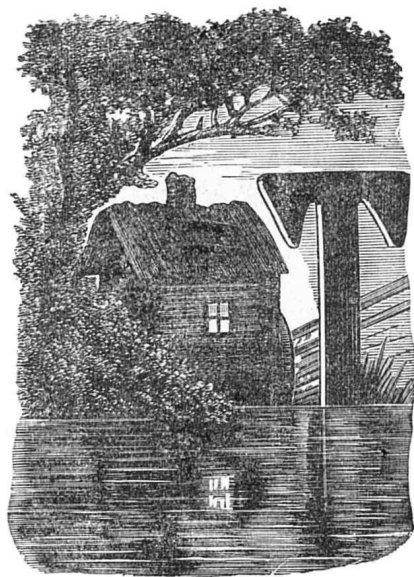

СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

За зеленымъ тыномъ. — Нежданный
гость. — Тревога.

ЕПЛЫЙ майскій день тихо вѣялъ своимъ нѣжнымъ весеннимъ дыханіемъ. Весело голубѣло небо, весело улыбалось солнце, золотя огромные купола Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, то дробясь милліардами золотыхъ искръ на крестахъ многочисленныхъ церквей и монастырей Московской столицы, то ударяя горячими лучами въ высокую кровлю недавно выстроенной колокольни Ивана Великаго, гордо возвышавшейся надъ всѣми остальными зданіями Москвы. Бѣлыя стѣны Бѣлгорода, Китай - города и Кремля казались особенно нарядными въ праздничномъ сіяніи солнца. Обычно мутныя рѣчки, Неглинная, съ двухъ сторонъ омывающая Кремль, и Ходынка, пересѣкающая огромный пустырь, теперь, при этомъ яркомъ весеннемъ блескѣ, потеряли свой непривлекательный видъ и, словно, подернутыя серебряною

сѣтью, бурливо стремились въ объятія красавицы Москвы-рѣки.

И самая Москва-рѣка съ ея безчисленными рѣченками и ручьями-притоками, и столица Москва съ ея соборами, мопастырями, дворцами и хоромами, выглядѣли по весеннему—пышно, свѣжо и красиво...

На одной изъ окраинъ Китай-города, на берегу быстрой рѣченки Неглинной возвышались просторныя хоромы боярскія. Одной стороною своею онѣ выходили на широкую улицу, сплошь застроенную персидскими гостинными рядами, что за Троицкимъ соборомъ, другой стороною примыкали къ огромному саду, спускающемуся вплоть до самой Неглинной рѣки.

Обычно густой и тѣнистый, онѣ въ эту пышную весеннюю пору нарядно одѣлся молодою свѣжею зеленью. Столѣтнія липы и стройныя высокіе тополи, густо разросшись, и своими длинными вѣтвями давали прохладу даже въ эту раннюю пору. Тамъ, гдѣ кусты малиника окружили со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, привѣшennыя къ сучьямъ двухъ исполинскихъ липъ, тихо поскрипывали качели.

Двѣ {молоденькія дѣвушки, почти дѣвочки, одѣтыя въ цвѣтныя шелковые лѣтники со свѣтлыми-же повязками на головахъ, разшитыми золотомъ сидѣли на широкой доскѣ качели. Одна изъ нихъ, повидимому старшая, черноглазая, чернобровая, съ толстой темною косою, съ нѣжно бѣлымъ личкомъ, казалась настоящей красавицей. Малиновый лѣтникъ, какъ нельзя болѣе оживлялъ ея задумчивое, безъ единой тѣни румянца, {недѣтски серьезное личико. Ни-то затаенная печаль, ни-то глубокая дума таилась въ самой глубинѣ ея большихъ черныхъ глазъ.

Младшая дѣвушка казалась полной противоположностью своей задумчивой подругѣ. Изъ-подъ голубой повязки свободно выбивались на стройныя, почти дѣтскія плечи, кудрявые, золотистые волосы. Лучи солнца, пробиваясь сквозь свѣжую молодую зелень липъ, ласкали ихъ своимъ яркимъ сіяніемъ и вся русая головка дѣвушки, благодаря имъ какъ-бы

отливала червоннымъ золотомъ. Живые, быстрые, лучистые глазенки такъ и искрились молодымъ жизнерадостнымъ задоромъ. Немного вздернутый носъ и пухлый ротъ, поминутно лукавой улыбкой обнажающій мелкіе, какъ у бѣлочекъ, тѣсные зубы, придавали еще болѣе задора и бойкости ея румяному свѣжему личику. Нельзя было пройти мимо него, чтобы не полюбоваться его своеобразной прелестію. Ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ и вся ея стройная, юная фигурка воплощала собою праздникъ весны, радости, счастья...

— Машенька! Да полно тебѣ хохлиться! Уставилась въ одну точку и сидить, не двигаясь, словно твоя царевна Несмѣяна!—звонкимъ голосомъ вскричала младшая дѣвушка и, однимъ прыжкомъ очутившись на доскѣ качели, изо всей силы качнула ее въ сторону.

— Ахъ!—испуганно проронила низкимъ груднымъ голосомъ та, которую звали Машенькой и обѣими руками схватилась за края доски, въ то время какъ ея подруга такъ и залилась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, отъ души наслаждаясь ея смятеніемъ.

— Да полно тебѣ баловаться Санюшка,—произнесла она съ укоромъ, — я чаю, не махонькая... Пора бросить дѣтскія шалости.

— Ну, вотъ,—забавно надула свои пухлыя губки быстроглазая Саня—и ты туда-же, умница-разумница! И батюшка съ матушкой и нянюшка Степановна [только о томъ и толкуютъ: «не балуй, да не шали Санюшка, не махонькая, молъ». А коли мнѣ любо баловать да [шалить? Коли любо быть махонькой? Любо бѣгать и рѣзвиться... [не здѣсь [только, [а на свободѣ, въ Новгородской вотчинѣ, вѣстимо! Ахъ, Машенька, подружка моя милая! Тошно мнѣ здѣсь! То-ли было дѣло подъ Новгородомъ, среди лѣсовъ дремучихъ! Въ родительской вотчинѣ! Пѣлый день-то по лѣсу гуляли съ дѣвоньками, ягоды, грибы собирали, хоронились другъ отъ друга, аукались, пѣсни пѣли! А тутъ я затянула было пѣсенку, такъ батюшка гроза-грозою на меня напустился—до пѣсни-ли, говорить,

глупая! Не ко времени распѣлась! И тутъ-же приказалъ въ терему сидѣть, да воздухи въ Успенскій соборъ шить каменьями на гробницу новопреставленнаго—государя. Куда какъ весело! И надо-же было братцу Семѣ насъ сюды въ тѣсноту да скуку выписать...

И большіе сѣрые красивые глазки дѣвочки подернулись туманомъ.

Красавицѣ Машѣ стало жаль свою юную подружку. Она обняла кудрявую головку Сани, прижала ее къ своему плечу и тихо заговорила, тѣмъ примиряющимъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно взрослые съ маленькими дѣтьми.

— Полно, Санюша. Не кручинься... Знаю, тяжело тебѣ вольной птицѣ, привыкшей къ свободѣ, ужиться въ душномъ терему. Лучше было-бы тебѣ оставаться въ твоей Новгородской лѣсовницѣ; Да вѣдь супротивъ судьбы не пойдешь. Семенъ Васильевичъ былъ одинъ изъ любимыхъ «жильцовъ» покойнаго Государя Бориса Ѳедоровича... Его царь отличилъ и благодѣтельствовалъ. Пожаловалъ, видишь, въ молодыхъ годахъ въ царскіе столъники... Такъ чѣмъ-же теперь Семену Васильевичу и отплатить покойному благодѣтелю, какъ не вѣрной службой своей и своихъ близкихъ, сиротѣ—юному государю. Вѣдь молодому царю Ѳедору Борисовичу нужны теперь вѣрные слуги. А твой родитель бояринъ Василій Петровичъ вѣрой и правдой готовъ служить сыну покойнаго царя... Нынче каждый вѣрный слуга особенно дорогъ государю... Ты слышала, я чаю, про того злодѣя, что назвался именемъ покойнаго царевича Дмитрія и мутить народъ?

— Чудно мнѣ на него, Маша,—разомъ позабывъ недавнюю свою жалобу и досаду и, снова оживившись, произнесла Саня—какъ это можно такъ придумать складно! Слыхала я намеренія, какъ разговаривалъ братъ Семенъ съ батюшкой о томъ злодѣѣ и грѣшна, позадумалась: нѣшто впрямь онъ злодѣй самозванный, нѣшто не могъ и впрямь спастись отъ руки убійцы царевичъ Дмитрій...

— Шш! Шш! Шш! Никшни, глупая! И себя и меня погу-

бишь рѣчью такую!—вся разомъ поблѣднѣвъ, какъ саванъ, прошептала Маша и плотно зажала ротъ своей не въ мѣру болтливой подругѣ. — Развѣ не знаешь, что повсюду бродятъ послухи *) царскіе? Что они обо всемъ слышанномъ доносятъ боярамъ и не одобровать [намъ тогда, коли узнаютъ, какія ты рѣчи о разстригѣ **) держишь!

И говоря это, чутко прислушивалась боярышня и зорко оглядывалась по сторонамъ, пронизывающимъ чащу сада взоромъ.

Внезапный шорохъ привлекъ ея вниманіе. Еще большая блѣдность разлилась по томному личику Машеньки. Ея тревога невольно передалась бойкой Санѣ.

— Тсс! Не чуешь? идетъ кто-то!—прошептала первая,—ахти, бѣда намъ! Услышали, подкрались царскіе послухи! Бѣда! Бѣжимъ скорѣйча въ хоромы! и быстро схвативъ за руку подругу, красавица Маша, обезумѣвъ отъ страха, ринулась въ сторону.

Шумъ шаговъ теперь все яснѣе доносился до слуха дѣвушекъ. Не помня себя, онѣ кинулись было стрѣлою по дорожкѣ сада, какъ вдругъ громкій веселый смѣхъ раздался за ихъ спиною.

Кусты малинника разомъ раздвинулись и нежданно-негаданно передъ ними, какъ въ сказкѣ, появились два юноши въ богатыхъ одеждахъ царскихъ стольниковъ.

При видѣ ихъ весь страхъ боярышень исчезъ, какъ по волшебству.

— Братецъ Сема! — вскричала радостно быстроглазая Санюшка и въ одинъ мигъ, высоко подпрыгнувъ, повисла на шеѣ статнаго, пригожаго юноши, какъ двѣ капли похожего на нее.

— Испугались? а?—засмѣялся послѣдній, — ахъ, ты трусиха моя! Чего схоронилась? а? Ты прости ужъ сестру, князь, —

*) Шпіоны, доносчики.

**) Лишенный сана монахъ.

обратился опъ къ товарищу, — несмысленочекъ она у насъ. Привыкла въ Новгородской чапцѣ бѣгать да рѣзвиться и не знаетъ не вѣдаетъ, какъ обходиться съ гостями. Вишь, при чужомъ человѣкѣ на шеѣ брата повисла! Постыдись, срамница — притворно сурово упрекнулъ онъ сестру, — дай, хонь съ гостей поздороваться. Давненько не видалъ я княжну Буйносову-Ростовскую. — И съ трудомъ оторвавшись отъ цѣпкихъ рученокъ сестры, Семенъ Васильевичъ Головинъ подошелъ къ потупившейся отъ смущенія красавицѣ Машѣ и произнесъ низко, низко ей кланаясь:

— Будь здрава на долгіе годы, княжна Марья Петровна! Радъ встрѣтить тебя въ гостяхъ у сестры...

— Здравствуй и ты, Семенъ Васильевичъ, — въ свою очередь, низко кланаясь, отвѣчала своимъ пріятнымъ пѣвучимъ голосомъ красавица Маша.

И вдругъ неожиданный веселый хохоть Сани прервалъ эту сцену.

— Ха, ха, ха, ха! — заливалась молоденькая Головина, — чтой-то съ тобою, князь! Всегда-ли ты такимъ сычемъ смотришь? Ровно тебя кислой брагой попотчивали. Ни дать — ни взять!

И она во все глаза смотрѣла въ лицо гостя, одиноко стоявшаго въ сторонкѣ въ ожиданіи, когда молодой хозяинъ познакомитъ его съ обѣими дѣвушками.

Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, вѣрнѣе, юноша, едва достигшій семнадцатилѣтняго возраста. Высокій, статный, широкоплечій онъ былъ настоящимъ красавцемъ по виду, тѣмъ красавцемъ, о которомъ поется въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ. Большіе темно-синіе глаза юноши смѣло и гордо смотрѣли изъ-подъ быстрого взмаха соболиныхъ бровей. Тонкій, красивый носъ съ подвижными трепещущими ноздрями и благородныя губы, чуть прикрытыя первымъ пухомъ юности, обличали породу. Темно-русые кудри вились изъ-подъ золотомъ шитой мурmolки *), [высокій козырь **)] на-

*) Родъ шапки. **) Воротникъ.

ряднаго кафтана былъ зашитъ дорогимъ шитьемъ. Стройный станъ опоясывался поясомъ заморской чеканки. Что-то величественное, безстрашное, своеобразное, какая-то сила чуялась во всей фигурѣ юноши, въ его юномъ прекрасномъ лицѣ. Мужествомъ и отвагой пылали его прекрасныя, какъ синія звѣзды, очи, а на бѣломъ юношески чистомъ лбу лежала глубокая морщинка, придающая сурово-вдумчивое выраженіе всему облику молодого стольника.

Это-то суровое выраженіе, такъ мало гармонирующее съ юностью красавца, и разсмѣшило Саню...

Молодой стольникъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности, отъ рѣзкаго звука беззаботнаго дѣтскаго смѣха. Вздрогнулъ и взглянулъ съ неудовольствіемъ на веселую боярышню.

Передъ нимъ была задорно-смѣющаяся головка, чудесно позлащенная майскимъ солнцемъ и веселые, искрящіеся лучистые глаза.

И вдругъ при видѣ этихъ жизнерадостныхъ глазъ и прелестнаго личика, молодой стольникъ точно встряхнулся, ожилъ. Морщинка, прорѣзывающая лобъ, исчезла, ротъ улыбнулся ласковой, сочувственной улыбкой.

— Чему смѣешься, боярышня Александра Васильевна? произнесъ онъ послѣ двухъ низкихъ поклоновъ, привѣтствовавшихъ дѣвушекъ.

— А потому смѣюсь, — снова зазвучалъ веселый смѣхъ Санюшки, что я тебя, николи не видя, сразу узнала! Мнѣ братецъ Сема не разъ про тебя сказывалъ...

— А что сказывалъ? — Едва сдерживая улыбку, снова спросилъ тотъ, невольно любуясь прекраснымъ жизнерадостнымъ ребенкомъ.

— А то сказывалъ, — бойко зазвенѣлъ ея звучный голосокъ, — что среди палатъ царскихъ медвѣдь появился, неповоротливый, неуклюжій, ни на кого не взглянетъ, ни съ кѣмъ не пошутитъ... Какъ есть бирюкомъ сидитъ. И зовутъ того медвѣдя Михайлой свѣтъ Васильевичемъ, княземъ.

— Санюшка! Въ умѣ-ли ты?.. Нѣшто можно срамить

такъ князя - стольника! Тихонько дернувъ подругу за рукавъ лѣтника, въ смятеніи прошептала княжна Буйносова-Ростовская въ то время, какъ Семень Головинъ такъ и покатился со смѣху. Улыбнулся и юный князь, отчего лицо его приняло мягкое дѣтское выраженіе.

— Вотъ невидалъ! Царскій стольникъ! Кому стольникъ, а кому медвѣдь косопашый!—не унималась дѣвочка...—Что туча-тучей, княже, смотришь?—Обратилась она снова къ юношѣ: не любо, что такъ тебя назвала?... А? Такъ ты докажи, что и впрямь ты не медвѣдь неповоротливый. Догони меня, князь, а коли догонишь, нѣтъ правда будетъ твоя и братова—царскій ты стольникъ, а не Мишка-брюкъ. Куды ни шло!

И прежде, чѣмъ братъ и красавица Машенька успѣли остановить ее, хорошенькая Саня метнулась впередъ и стрѣлой понеслась по дорожкѣ сада.

Но не эта выходка ихъ любимицы удивила красавицу Машу и молодого Головина. Къ бойкимъ шалостямъ подростка Сани они оба привыкли съ тѣхъ поръ, какъ привезли эту, удержку не знающую, живую, какъ ручеекъ, дѣвочку изъ ея Новгородскихъ лѣсовъ.

А то удивило, что всегда не по лѣтамъ серьезный, суровый Миша Скопинъ, царскій стольный, любимецъ покойнаго царя Бориса и теперь первый другъ-наперстникъ юнаго Теодора Борисовича, забывъ свою обычную сдержанность съ разомъ прояснившимся лицомъ быстро-быстро помчался слѣдомъ за хохотушкой Саней.

А та того и ждала только. Не бѣжала, а неслась она, какъ птица, вся легкая и стройная, едва касаясь ногами земли.

— Не догнать, княже! Не томи себя понапрасну, поворачивая къ нему черезъ плечо раскраснѣвшееся отъ бѣга личико, смѣялась дѣвочка. Но Миша въ нѣсколько секундъ почти настигъ ее и на поворотѣ дорожки схватилъ за рукавъ лѣтника.

— Анъ и догналъ тебя, Александра Васильевна! произнесъ онъ весело и въ ту же минуту что-то тревожное, необычайное разлилось по его лицу.

Первая встрѣча.

